

Жукова Марина Васильевна

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НОМИНАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА)

Рассматривается развитие лексико-тематической группы номинации преступников и правонарушителей в современном русском языке на примере терминов уголовного права. Исследуются семантические особенности юридических терминов, обозначающих разного рода преступников. На основе сравнительно-сопоставительного анализа выявляется динамика номинативных процессов в заявленной группе терминов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 73-78. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

Рассматривается развитие лексико-тематической группы номинации преступников и правонарушителей в современном русском языке на примере терминов уголовного права. Исследуются семантические особенности юридических терминов, обозначающих разного рода преступников. На основе сравнительно-сопоставительного анализа выявляется динамика номинативных процессов в заявленной группе терминов.

Ключевые слова и фразы: юридическая терминология; лексико-тематическая группа; номинативные процессы; лексема.

Жукова Марина Васильевна*Муниципальное образовательное учреждение основная общеобразовательная школа № 108**Кировского района г. Волгограда**zhu-zhu.2010@mail.ru***РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НОМИНАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА)©**

Номинация преступников в юридической терминосистеме уголовного права осуществляется в соответствии с тем или иным видом нарушения норм человеческого общежития. На протяжении многих веков терминология номинации преступников подвергалась изменению, пополнялась новообразованиями, изменяла свой состав. В связи с этим целесообразно рассмотрение терминологических единиц в контексте, что позволит определить динамику развития рассматриваемой лексико-тематической группы [33, с. 217].

В современной правовой сфере выделим разветвленную группу номинаций, предназначенных для обозначения преступников и правонарушителей: (1) наименования, являющиеся родовыми обозначениями преступников; (2) наименования преступников, посягающих на жизнь и здоровье личности или похищающих чужую собственность; (3) наименования преступников, совершающих хозяйственные, антиобщественные и воинские преступления; (4) наименования преступников, посягающих на честь и достоинство личности; (5) наименования преступников, чьи действия направлены на подрыв устоев государства и др. Рассмотрим лишь некоторые терминологические единицы, представляющие, на наш взгляд, интерес с точки зрения диахронного анализа.

Анализ обозначений заявленной лексико-тематической группы начнем с родовых наименований *преступник* и *правонарушитель*.

Лексемы *преступник* и *преступитель*, как и термин *преступление*, не были известны законодательным текстам до XVIII века. Термины *преступник* и *преступитель* образованы в древнерусский период от глагола *преступить* по продуктивным словообразовательным моделям при помощи суффиксов *-ник* и *-тель*. На протяжении многих столетий им было свойственно значение «нарушитель, преступник», но функционирование было ограничено контекстами церковной и светской письменности [18, с. 62]. В XVIII веке расширяется сфера функционирования книжных слов *преступник* и *преступитель*, они становятся юридическими терминами. Данный языковой процесс характерен для нового канцелярского языка, который ориентируется на книжные источники. Например: «Капитаны и офицеры у ротъ салдатскихъ определенныхъ для карауловъ въ портахъ могут заарестовать *преступниковъ*...» Устав о войсках морских Люд. XIV. 95. 1715 [19, вып. 3, с. 123].

Сравнительно недавним родовым обозначением лица, виновного в правонарушении, является композита *правонарушитель* (и соотносительно с ней существительное *правонарушительница*) [18, с. 255] и синонимические словари к слову мужского рода в качестве синонима приводят дериват *преступник*, не усматривая в этих словах никаких семантических различий. Однако, на наш взгляд, словом *преступник* передается именование лица, совершившего более злостное деяние, чем названный словом *правонарушитель*.

В прессе к слову *преступник* нередко употребляется книжный синоним *злоумышленник*, не являющийся юридическим термином: *В Чите водитель вскрытой «Ниссан-Авенир» сам поймал злоумышленника, пробежав за ним почти километр. Полиция на место преступления прибыла практически сразу* [9]. Человек, совершивший преступление, аналогичное тому, за которое он был ранее осужден, подлежащий более строгому наказанию, именуется *рецидивистом* (ср. лат. *recidivus* – возвращающийся): *Сотрудники полиции Приволжской железной дороги задержали группу воров металла на ст. Суровикино, где организатором был рецидивист, который более десяти лет находился в розыске за бандитизм* [11].

В современной правовой сфере лексема *преступник* явилась основой для образования составных терминов-обозначений лиц по видам противоправных деяний: *государственный преступник*, *уголовный преступник*, *военный преступник*. В разговорной речи наряду с термином *уголовный преступник* употребляется слово с суффиксом *-ик* – *уголовник*: *Как оказалось, группировка старых уголовников по-прежнему регулировала опасную территорию* [12].

Отметим здесь и собирательное существительное *уголовщина*, образованное от прилагательного *уголовный* с помощью суффикса *-щин(а)*, в значении «уголовные преступники»: *Вышла на свободу вся уголовщина* [9].

В языке русского права до Судебника XV-XVI вв. словом *головъникъ* (однокорневым с *уголовник*) обозначалось понятие «убийца»: *А где учинится головщина, а доличат коего головника, ино князю на головникох взять рубль продажи* [15, с. 34]. Являясь старославянским по происхождению, слово *головникъ* известно в основном по памятникам церковнославянского языка XI-XIII вв. в значениях «отступник», «нарушитель», «грешник» [21, с. 134]: *Аже кто оубиеть княже моужа въ розбои, а головника не ищють. То впръвную платити въ чьей же вѣрви голова лежитъ* [17, с. 38]; *Будеть ли головник их в верви, то зане к ним прикладываетъ, того же деля им помагати головнику. Любо си дикую виру, но сплати[ти] им вообчи 40 гривен, а головничство, [а то] самому головнику, а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть* [Там же, с. 41]. В том же значении использовался гипероним *злодей*: *О различных ходящих во Греки и у дол-жающих... Аще злодеи възвратится в Русь, да жалуютъ Русь хрестьянскому цесарству, и ят будетъ таковыи, и възвращен будетъ, не хотя, в Русь* [4, с. 26].

В законодательных актах XI-XV вв. значении «убийца» фиксируются равноправные варианты *государственный убойца* и *душегубец*: *А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью* [22, с. 126]; *Оже учинится вира, где кого утешут, ине душегубца изыщут; а не найдут душегубца, ине дадут наместником десять рублей. А за кровавую рану трицать бел, а за синюю рану пятнацать бел; а вина противу того* [29, с. 39].

В современном русском языке наряду с основным термином *убийца*, обозначающим преступника, посягающего на жизнь личности, функционируют лексические единицы с синонимичным значением, но не зафиксированные как юридические термины. В газетных очерках наших дней, повествующих об убийцах, употребляется композита-экспрессив *душегуб*, ср.: *Душегуб даже не раскаялся в содеянном, более того, на скамье подсудимых он умиленно улыбался* [8]... Ближкое к данному термину сложно-суффиксальное образование *душегубец* обнаруживаем в Судебниках XV-XVI вв.: *И татя и душегубца, и всякого лихаго человека без доклада ни продати, ни казнити, не отпустити* [24, с. 71].

В 90-е годы XX столетия в русский язык из английского пришло слово *киллер*. Оно в точности дублирует семантику русского термина *убийца*, однако в русском языке *киллер* обозначает «профессионального убийцу – наемника, совершающего заказное убийство» [26, с. 294]: *Прессу захлестнула волна публикаций о заказных убийцах и киллерах* [16].

К древнейшим правовым терминам, использованным в первом крупном юридическом кодексе Руси – «Русской Правде» [17] – и сохраняющимся в речи до XVII в., относится также слово с широкой дефиницией, которое обозначало лиц, совершивших наиболее тяжкие уголовные преступления, за которые наказания были особенно тяжелыми. Таковым является термин *тать*, который в «Русской Правде» выступал в качестве гиперонима для обозначения уголовного преступника: *Не будет ли татя, то по следу женуть, а же не будет следа ил к селу или к товару...* [17, с. 31]. Наряду с этим значением лексема *тать* в древнерусских памятниках обозначала преступника, замеченного в воровстве: *тать коневый* – вор-конокрад [10, с. 107] *тать клетный* – вор, крадущий из хозяйственных построек [Там же, с. 106]: *Аже кто познаеть свое, что будетъ погубил или украдено у него что, или конь, или порт, или скотина, тоне рци и-: се мое, но поиди на свод, где есть възял; сведитеса, кто будетъ виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возметь; а что погубло будетъ с нимъ, то же ему начеть платити; аще будетъ коневыи тать, выдати князю на поток; паки ли будетъ клетныи тать, то 3 гривны платити ему* [17, с. 38].

В XIII-XV вв. лексема *тать* стала являться родовым наименованием преступника, посягающего на чужую собственность. Наряду с *коневым* и *клетным татем*, появляется еще *кримский тать* и *церковный тать*: *А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати* [15, с. 46]; *А государскому убойце, и градскому здавцу и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью* [23, с. 76].

В значении «тайный хищник; хитрый, лживый, лукавый человек» [1, с. 16] термин *тать* функционирует до XVI столетия: *А кому будет дело до владычня человека, или до боярьского, или до житейского, или до купецкого, или до манастьрьского, или до кончанского, или до улитцкого, в волости о татбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головицине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слово, а рука дать по крестному целованью, что той человек тать и разбойник, или грабежчик, или пожегчик, или душегубец, или холоп* [13, с. 17]. В документах петровской эпохи архаизирующая лексема *тать* заменяется термином *вор*: *Також ежели вор, правда, ворвется в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помещает ему кто, что ничего с собою не унес, онаго також ипицирутенем полегче наказать надлежит* [5, с. 73].

Среди терминов группы, обозначающих преступников, посягающих на чужую собственность, в современном законодательстве лексема *вор* является родовым наименованием. *Вор* – «лицо, совершающее кражи» [14, с. 278]. Впервые слово *вор* фиксируется в русском языке в XVI веке в значении «мошенник», «авантюрист», «обманщик», «изменник». П. Я. Черных, М. Фасмер связывают происхождение данного слова с глаголом *вру*, *врать*. Например: *проворный, воровой* – «удалой», «бойкий» (олонецк.) [31, т. I, с. 350]. В других славянских языках данное слово отсутствует, а в значении «грабитель», «злоумышленник, занимающийся кражей» используются лексемы: *злодій* (укр.), *злodej* (блр.), *крадец* (болг.), *zlodej* (чеш.) и т.д. [32, т. I, с. 165].

На протяжении XVII века слово *вор* являлось, прежде всего, гиперонимичным обозначением лица, которое совершает преступление, наряду с терминологическим словосочетанием *лихой человек*. Но уже

в начале XVII века слово *вор* известно в смысле «тать, грабитель» и выступает в качестве синонима по отношению к древнему термину *тать*. Слово *вор* в новом терминологизированном значении отражено в Соборном Уложении 1649 года [20]. Например: *Будуть такие воры приехавь пограбять, а смертнаго убийства не учинять* [Там же, с. 148].

До XV столетия наименование преступника было представлено также словосочетанием *лихой человек*. Памятники права, зная наименования отдельных преступников (*разбойник, тать* и др.), не имели общего, родового наименования [1, с. 16]. В судопроизводстве Московского периода впервые встречается наименование *лихой человек*, что является несомненным шагом вперед в деле совершенствования теории права и юридической терминосистемы, которая стала различать видовое наименование и родовое. В XV-XVI вв. вместо полного термина *лихой человек* часто употребляется его часть, субстантивированное прилагательное *лихой*: *А не будет у которого лихого столко статка, чем исцово заплатити, и боярину того лихо во исцовой гибели исцу не выдати* [23, с. 148]...; *...а того татя судити да послати про него обыскати и назовут его лихим человеком, ино его пытати накрепко* [24, с. 175].

Как и *лихое дело*, словосочетание *лихой человек* исчезает в XVII веке. В Уложении 1649 г. роль термина *лихой человек* выполняет слово *вор*: *А которые воры чинят в людех смуту... и таких воров за такое их воровство казнити смертию* [20, с. 143].

В современном уголовном праве виды *воровства* дифференцируются в зависимости от тяжести преступления, его формы (согласно УК РФ) нашли отражение в языке арго: это – *карманники*, или *щипачи, домушники* (квартирные воры), *магазинники* (воры, осуществляющие кражи из магазинов) и др. А. И. Гуров [2] называет около ста наименований воровских квалификаций. Приведем несколько контекстов: *В автобусе с заданным маршрутом постоянно орудовали карманные воры, обычно в утренние часы...* [6]; *Группа ловких квартирных воров нашла, как им казалось, безотказный и вполне безопасный способ проникновения в жилище* [16]. *Вор*, занимающийся мелкими кражами, именуется в разговорном языке *жуликом* – словом, собственно русским, образованным с помощью суффикса *-ик* от вышедшего из употребления слова *жуль* «вор, плут, мошенник» (отсюда также *жулить, жулье*). Родственно диалектное *жулить* – «присваивать чужое, жилить» [31, т. I, с. 148].

В начале XX столетия в разговорном языке появляется речевой оборот «вор в законе», символизирующий принадлежность правонарушителей к группировке рецидивистов, составляющих «уголовную элиту»: *Крупнейшая сходка воров в законе разгромлена в минувшие выходные в городе Шахты Ростовской области* [12].

В значении «вор, жулик», а также «нечестный человек, плут» употребляется лексема *мошенник*: *Женщина поверила мошеннику, отдав все сбережения, накопленные за многие годы...* [28]. Этимологический словарь М. Фасмера описывает появление образования *мошенник* от общеславянского слова *мошина* [31, т. II, с. 667]. Первоначально (XVI в.) *мошенник (-ца)* употребляется в значении «тот, кто изготавливает сумки, мешочки для мелких ценных предметов, кошельки (мошны)», в XVII в. развивается значение «вор, крадущий кошельки, мошны» [18, с. 284]. Субстантив *мошенник (-ца)* в подязыке уголовного права XVIII в. называет субъект преступного деяния. В XVIII веке лексема *мошенник* выступает синонимом к слову *вор* [19, с. 52].

До XVII в. в законодательных актах встречается также лексема *разбойник*. Термину *разбойник* свойственно значение «лицо, совершившее разбой, грабеж». Церковнославянское по происхождению слово *разбойник* представлено было в памятниках церковной письменности, а также в деловом языке в качестве юридического термина. При этом лексема *разбойник* являлась многозначной, характеризовалась значениями: «убийца», «грабитель, разбойник», «удалец». Например: «На соуде, яко *разбоиникъ*, осужаемъ». Пат. Син. XI в. 47; «Члвкъ некий съхощааше отъ Иерслма въ Ерихо и въ *разбоиники* въпаде». Лук. X. 30. Остр. ев. [21, с. 21]. Данный термин уже встречается в памятниках XI-XII вв.: *Будеть ли стал на разбои без всякой свады, то за разбойника люди не платять* [17, с. 33]; *А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, — ино и князю продажа не взятии* [15, с. 56]. Постепенно происходит сужение значения специального слова *разбойник*. Так, в Соборном Уложении 1649 года, *разбойник* — это «тот, кто учинил разбой». Например: «Которые *разбойники* розбивают, и людей побивают, и тати крадутъ... и такие розбойные, и татинные дела ведать в розбойномъ приказе». Ул. 297 [18, с. 141].

В XVIII веке в законодательных документах используется терминологическое обозначение *разбойник* с широкой понятийной сферой: *Великий государь указал: воров и разбойников, которые в убивстве, в прямом воровстве, измене или бунте, казнити* [30, с. 94]; *А которые разбойники были на разбоех, а сыщетца их половина, и на тех разбойниках исцовыл. 293 иски доправят все, а после сыщутца товарищи их, и учнут говорити на кого в тех же разбоех и в продажах разбойные рухляди, а исцов им не будет: и выти, на ком доведутца, взятии* [29, с. 74].

С XIX в. данный термин перестает функционировать в правовой сфере и переходит в разряд слов общего употребления, приобретая переносное значение: *Разбойник* – 1. грабитель, человек, промышленяющий разбоем (знач.; устар.); 2. перен. хищник, насильник, тот, кто притесняет и угнетает (ритор.); 3. ласк. баловник, шалун, негодник (разг.) [25, с. 345].

Номинация правонарушителей, совершающих воинские преступления, впервые подверглась регламентации и описанию в XVIII в. в связи с реформами, проводимыми Петром I. В этот период появляется термин *дезертирование*, который является образованием от глагола *дезертировать (дезертовать)*, заимствованного из французского языка [19, с. 71]: *Ежели полки, войско или шквадроны дезертуют, и весьма отступяны явятся, оные имеют во время девяти недель чрез публичной барабанной бой трубуы трижды в Генеральной Кригсрехт позываны, и оным салвус кондуктус (безопасная грамота) позволена будет* [5, с. 156].

Наименование *дезертир* появилось от латинского **desertor* [31, т. I, с. 494]. Словарь Даля определяет лексему *дезертир* как «беглец, бегляк или беглый, ушлый; стар. тягун; дезертир у нас употр. о военнотружущих чинах. Дезертировать, бежать из войска» [3, с. 67].

В современном языке законодательства под *дезертирством* понимается «самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы» [27]: *Американский дезертир, уставший видеть смерть и постоянную жестокость в Ираке, сбежал из части и долго скрывался от властей* [7].

Номинациями преступников, совершающих государственные преступления, являются лексемы *изменник* и *предатель*. Оба слова старославянского происхождения, известны по памятникам с XI в., употреблялись как синонимы [3, с. 25]: «*Изменник* – переметчик, предатель (изменник, вероломец, крамольник, душепродавец) [Там же, с. 396]. В Словаре русского языка [18, с. 647] дается следующая дефиниция: «*Изменник* – 1) тот, кто совершил измену, предательство; предатель, 2) разг., устар. нарушитель верности в любви, дружбе; *Предатель* – тот, кто предал, предает кого-, что-либо; изменник» [Там же, с. 362]: *А будет кто изменника догнав на дороге убьет, или поймав приведет к Государю: и того изменника казнить смертью; а тому, кто его приведет или убьет, дати Государево жалованье из его животов, что Государь укажет* [20, с. 91]. Оба слова, являясь правовыми терминами, после октября 1917 г. активно функционируют в правовой сфере (*изменник Родины, предатель Родины*).

Тайный агент, занимающийся шпионажем, именуется *шпионом* – заимствование начала XVII в. из немецкого языка (**Spion* < итал. **spione*, которое в свою очередь представляет собой старое заимствование из германских языков, родственное нем. **Spähen* «выслеживать, подглядывать») [31, т. IV, с. 474]. *Это был сигнал готовности шпиона Филатова А. Н. к проведению тайной операции, в процессе которой представители американского шпионского ведомства, прикрываясь дипломатическими паспортами, под покровом ночи должны были в заранее обусловленном тайнике на Костомаровской набережной Яузы в Москве оставить для своего агента контейнер с инструкциями-заданиями, шифры, средства тайнописи, деньги и т.п.* [28].

В группе номинаций преступников, посягающих на честь и достоинство личности, назовём термин *клеветник*. Синоним *ябедник* появляется еще в XV–XVI вв. В Судебниках лексема *ябедничество* служила для наименования злостной клеветы с целью вымогательства и рассматривалась как тягчайшее преступление: *А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, а будет ведомо лихой, и ему того велети, казнити смертною* [22, с. 45]...; *...скажут в обыску, что столке живота его не было, ино его обвинити и пошлины на нем взятии, а в государеве пене, в ябедничестве дати его на поруку* [23, с. 57]... Понятие злостной клеветы получило наименование *ябедничество* только в конце XV в., в более ранних памятниках права данная лексема нами не зафиксирована.

Слово *ябедничество* с момента своего образования употреблялось в языке с отрицательным значением, хотя производное от него слово *ябедник* первоначально служило для обозначения должностного лица, княжеского приказчика и не имело значения «клеветник». В «Русской Правде» мы встречаем слово *ябедник* в его первоначальном значении: *...аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь* [17, с. 45]. Впоследствии по каким-то смысловым и эмоциональным связям лексема *ябедник* приобрела значение «клеветник», которое в материалах И. И. Срезневского выделяется только в письменных памятниках XVI в. В памятниках церковно-учительской литературы употреблялся словообразовательный вариант *клеветар* – «обвинитель, клеветник» [21, с. 1215]. Проникновение данной лексемы в юридическую терминологию оказалось возможным, потому что в Русском централизованном государстве того периода должностное лицо с таким наименованием потеряло свою актуальность, и лексема *ябедник* стала иметь только значение «клеветник». В современной правовой сфере *клеветник* – «тот, кто клеветает, распространяет клевету» [14, с. 97]. Под *клеветой* в УК РФ (ст. 29) понимается «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство лица или подрывающих его репутацию...» [28].

В связи с тем, что образование каждого конкретного термина имеет свои закономерности и занимает определенный временной отрезок, пополнение терминосистемы происходит постепенно, различными путями, один из которых – переход слов из других языковых стилей. Поэтому некоторое время слово может функционировать как термин, не отвечая при этом требованиям, предъявляемым к терминологическим единицам. Такие слова получили название *терминоиды*. В современном толковом словаре они зафиксированы с пометой «криминал». Так, в начале XXI века в правовой сфере, наряду с вышеуказанными терминами, для номинации преступников используются терминоиды (*киллер, киднепер, гангстер, вымогатель, хакер, террорист, наркоторговец, видеопират* и др.), которые в современном толковом словаре зафиксированы с пометой «криминал.» [26].

Таким образом, лексико-тематическая группа номинации преступников формировалась на протяжении длительного периода времени. История анализируемых слов корнями уходит в древнерусский период и продолжается сегодня. Данную группу составляли термины, которые появились на разных этапах формирования правовой терминологии: термины, известные средневековому праву (*разбойник, убийца*), приказные термины (*вор, воровские люди, дезертир*), термины, имеющие церковнославянское происхождение и изменившие семантику в новой культурно-языковой ситуации (*преступник, преступитель, грабитель*). Формирование и функционирование заявленных терминов и терминоидов можно отразить на следующей темпоральной оси:

X-XII вв.	XIII-XV вв.	XVI-XVII вв.	XVIII-XIX вв.	XX – н. XXI в.
злодей	лихой человек	лихой человек	преступник	преступник
головник	убойца	убойца	вор	правонарушитель
убойца	убийца	убийца	убийца	убийца
душегубец	душегубец	душегубец	ябедник	вор
тать	тать	тать	дезертир	клеветник
разбойник	вор	вор	шпион	грабитель
	разбойник	разбойник	вымогатель	изменник
	грабитель	грабитель	разбойник	шпион
	зажигатель	зажигатель	грабитель	вымогатель
	шепотник	переветник	изменник	бандит
		ябедник	предатель	террорист
		доносчик	зажигальщик	контрабандист
		бесчинщик	оскорбитель	рецидивист
			подстрекатель	дезертир
			контрабандист	киллер
			рецидивист	хакер
			бандит	киднепер
			мошенник	наркоторговец
				видеопират

Список литературы

1. Брицын М. А. Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1967. 38 с.
2. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. 45 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ; репринт. воспроизв. изд. 1903-1909 г. М.: Прогресс, 1994.
4. Договоры Руси с Византией // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 1.
5. Законодательные акты Петра I // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 8.
6. Известия. 2010. 15 мая.
7. Известия. 2010. 17 декабря.
8. Известия. 2011. 14 марта
9. Известия. 2012. 21 октября.
10. Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юрист, 2003. 764 с.
11. Комсомольская правда. 2012. 14 января.
12. Комсомольская правда. 2012. 25 сентября.
13. Новгородская судная грамота // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 2.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
15. Псковская судная грамота // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 2.
16. Российская газета. 2012. 10 октября.
17. Русская Правда // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 1.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975. 2009.
19. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1984-1991. Вып. 1-6; СПб.: Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1992-2004. Вып. 7-14.
20. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 6.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 4-х т. СПб., 1893-1913.
22. Судебник 1497 года // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 4.
23. Судебник 1550 года // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 5.
24. Судебник 1589 года // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 5.
25. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4-х т. М.: Астрель, 2000. Т. 3. 720 с.
26. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. М.: Закон и общество, 2010. 520 с.
28. Уголовный процесс. 2011. № 4.
29. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 3.
30. Уставная книга разбойного приказа 1619 года // Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952-1963. Вып. 8.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986.
32. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 1999.
33. Яшина Т. В. Эволюция терминологического аппарата в дисциплинарном контексте инновационно-технического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 1. С. 217-221.

DEVELOPMENT OF LEXICAL AND THEMATIC GROUP OF CRIMINALS NOMINATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF CRIMINAL LAW TERMS)

Zhukova Marina Vasil'evna

Municipal Educational Institution Comprehensive School № 108 of Kirov District, Volgograd
zhu-zhu.2010@mail.ru

The development of the lexical and thematic group of criminals and offenders nomination in the modern Russian language by the example of criminal law terms is considered. The semantic features of legal terms for all the sorts of criminals are studied. The dynamics of nominative processes in the stated terms group is revealed basing on the contrast and comparative analysis.

Key words and phrases: legal terminology; lexical and thematic group; nominative processes; lexeme.

УДК 82.09

Филологические науки

Театральное искусство в статье рассматривается в качестве особым образом организованной коммуникативной системы, обладающей своим собственным языком, сочетающей многообразные формы художественной деятельности и реализующейся в виде театрального текста. Взаимодействие в театре знаковых систем различного порядка осуществляется через «язык драмы», который обеспечивает возможность перехода от драматургического текста к тексту театральному. Статья раскрывает содержание понятий «драматический текст», «драматургический текст», «театральный текст» и «театральный знак».

Ключевые слова и фразы: театральное искусство; язык; текст; драма; знак; семиотическая система; коммуникация.

Защепкина Виктория Владимировна

Северо-Кавказский федеральный университет
sgu26@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»©

Искусство сопровождает человека на протяжении всего его существования. Процессы, происходящие в окружающей действительности, находят отражение в разных видах искусства, которые способны реагировать на внешние изменения и приспосабливаться к ним. Наличие связи между передающим и принимающим позволяет говорить об искусстве как об особом средстве коммуникации, обладающем своим собственным языком, в качестве которого, согласно семиотическому подходу, может пониматься «любая упорядоченная система, служащая средством коммуникации и пользующаяся знаками» [6, с. 18]. Постоянные изменения, происходящие в языке, вызванные внешними и внутренними условиями, указывают на то, что язык «является —живой» системой, что он моментально реагирует на меняющуюся реальность. Язык актуально отражает все изменения, происходящие во всех сферах жизни общества, формируя новые элементы и новые употребления уже известных элементов...» [7, с. 124].

Театральная деятельность занимает особое положение в ряде других искусств, так как включает в себя многообразные формы художественной деятельности (актерское искусство, выразительно-изобразительные средства, технические средства и т.д.), которые образуют особый язык коммуникации между сценой и зрительным залом. Сообщения на таком языке выступают в качестве текстов значительной сложности, которые используют знаки разного типа и разной степени условности и сочетают в себе «сценическое действие как единство актеров, действующих и совершающих поступки, словесных текстов, ими произносимых, декораций и реквизита, звукового и светового оформления» [4, с. 413]. Такая трактовка отсылает к широкой интерпретации текста, понимаемого в качестве определенным образом организованной суммы любых знаков, характеризующихся наличием содержательной цельности и формальной связности, сознательно созданных человеком (танец, обряд, картины, кино, театр, таблицы, ноты и т.д.).

Рассмотрение процессов порождения, функционирования и взаимодействия знаковых систем различного рода в рамках театрального искусства может быть осуществлено только через объединяющий их в единое целое компонент, в качестве которого выступает «язык драмы», когда, по словам Ю. В. Рождественского, «слово называет, именует другие виды знаковой деятельности» [11, с. 279]. Своеобразие драматического языка С. Д. Балухатый объясняет непрерывной связью слова «со —ценической» его препарацией (связь фактическая или только предопределенная пьесной формой произведения), функции драматического слова, действенного в звучании и обычно сопровождаемого мимикой-жестом-поступком, — не могли не создать особых черт драматической композиции и подбора таких признаков словесного материала,